

Научная статья

УДК 82.09

DOI 10.25205/2713-3133-2026-2-113-127

**Дубликация нарративной интриги
как способ создания событийной полярности
в романах Д. Данилова**

**Юлия Сергеевна Проценко¹
Наталья Анатольевна Агеева²**

¹ Новосибирское высшее военное командное ордена Жукова училище
Новосибирск, Россия

² Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

¹ ProtsenkoJS@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-4440-0864>

² jcl2020@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-0041-9779>

Аннотация

Исследуются особенности нарративной интриги романов Д. Данилова «Горизонтальное положение», «Есть вещи поважнее футбола» и «Саша, привет!». Установлено, что в первых двух произведениях, написанных в 2010–2015 гг., создаются параллельные событийные ряды-дубликаты, которые образованы с помощью экспликации вероятностного начала нарративной интриги. Одна событийная линия фиксируется на уровне основного текста, а другая – на уровне рецепции. Каждый из представленных рядов имеет противоположный вариант финала, один из которых становится основным. В романе 2021 г. «Саша, привет!» созданные за счет рецепции параллельные событийные ряды способствуют изменению свойств события. Финал романа совмещает взаимоисключающие понятия (смерти и ее отсутствия), что лишает читателя возможности выбора и вынуждает принять реализацию одновременно двух вариантов завершения произведения.

Ключевые слова

серийность, нарративная интрига, Д. Данилов, дубликация

Для цитирования

Проценко Ю. С., Агеева Н. А. Дубликация нарративной интриги как способ создания событийной полярности в романах Д. Данилова // Сюжетология и сюжетография. 2026. № 2. С. 113–127. DOI 10.25205/2713-3133-2026-2-113-127

© Проценко Ю. С., Агеева Н. А., 2026

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография. 2026. № 2. С. 113–127

Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2026, no. 2, pp. 113–127

The Duplication of Narrative Intrigue as the Way of Creating Event Polarity in D. Danilov's Novels

**Yulia Sergeevna Protsenko¹
Natalia Anatolyevna Ageeva²**

¹ Novosibirsk Higher Military Command School of the Order of Zhukov
Novosibirsk, Russian Federation

² Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ ProtsenkoJS@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-4440-0864>

² jcl2020@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-0041-9779>

Abstract

This paper investigates the features of the narrative intrigue in D. Danilov's novels "Horizontal position", "There are more important things than football" and "Sasha, hello!". It is established that in the first two works, written in 2010–2015, parallel series of events, acting as duplicates, are constructed by developing the probabilistic elements of the narrative intrigue. One storyline is presented in the main narrative, while the other is conveyed through reception mechanisms. Parallel series of events are created by incorporating epigraphs and retelling the antecedent texts (S. King's novel "Faithful: Two Diehard Boston Red Sox Fans Chronicle the Historic 2004 Season" and the text of S. Samsonov's "Kamlaev Anomaly"). Each of the presented event series has two opposed endings, one of which is chosen by the author as the main one. In the 2021 novel "Sasha, hello!", serial narrative intrigue is created by repeating fragments of text (episodes of walking down the street and the Factory), including intramedial elements (fragments of the film "Bangkok Hilton"). Additionally, the novel employs reception, creating the illusion of a copy of V. V. Nabokov's novel "Invitation to a Beheading", ultimately nullifying the intrigue zero. These reception-driven parallel event sequences alter the very nature of the events themselves. The conclusion of the novel presents a sequence of alternative endings. This leads to the fusion of mutually exclusive concepts, such as death and its absence. Consequently, the reader loses the choice between these possibilities, compelled instead to confront the simultaneous manifestation of two contradictory resolutions.

Keywords

seriality, narrative intrigue, D. Danilov, duplication

For citation

Protsenko Yu. S., Ageeva N. A. The Duplication of Narrative Intrigue as the Way of Creating Event Polarity in D. Danilov's Novels. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis]*, 2026, no. 2, pp. 113–127. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2026-2-113-127

Событийный ряд, изначально обозначаемый отечественными литературоведами термином «сюжет», трактовался исследователями XIX–XX вв. как самоценное явление, не зависящее от восприятия читателя. А. Н. Веселовский [1989] и В. Я. Пропп [1928] осознавали необходимость прежде всего определить структуру данного понятия и обозначить основную (сюжетообразующую) единицу; перед представителями формальной школы стояла иная задача – определить его границы, что привело к выделению двух аспектов событийного ряда и введению термина «фабула». Б. В. Томашевский в исследовании «Теория литературы. По-

этика» [1925] описал два критерия, отличающих сюжет от фабулы и реальности как таковой: влияние авторской воли и зависимость от художественного целого.

В литературоведении конца XX – начала XXI в. по отношению к событийному ряду исследователи всё чаще используют понятие «интрига». В теории драмы под ним понимается «особый аспект сюжета или особое построение, демонстрирующее “искусство заговора”» [Ищук-Фадеева, 2008, с. 83]. Необходимо отметить, что впервые к интриге как явлению нарративному обращается П. Рикёр в труде «Время и рассказ» [1985].

В современной нарратологии нарративная интрига определяется как «последовательность изложения истории относительно воспринимающего сознания, настраиваемого на ожидание некоторого событийного итога» [Тезаурус исторической нарратологии..., 2022, с. 217]. Данный рецептивный подход к событийному ряду делает текст эстетическим объектом, приобретающим завершение только в воспринимающем его сознании и соответствующим установкам читателя или нарушающим их.

В. И. Тюпа и Г. А. Жиличева выделяют традиционные формы интриги (кумулятивную, циклическую и лиминальную) [Тезаурус исторической нарратологии..., 2022] и их современные варианты, на один из которых обращается внимание в предложенной статье. В романах 2010–2015 гг. («Горизонтальное положение», «Есть вещи поважнее футбола») Д. Данилова представлен серийный тип интриги, проявляющийся как рецептивное дублирование линии интриги, которое приводит к расслоению текста и образованию второго (зеркального) событийного ряда.

В романе «Горизонтальное положение» на наличие серийной интриги прежде всего указывает эпиграф, выявляющий отсутствие истинного события, что делает интригу нулевой: «Но в общем всё осталось по-прежнему / и ничего не изменилось, хотя как будто / и произошли / события» (Данилов, 2022, т. 1, с. 7).

Этот текст создается как дневник, представляющий собой своеобразный отчет перед читателем о пережитых днях. Нарратор фиксирует, что его день начинается с пробуждения и заканчивается возвращением домой после работы примерно по одному и тому же маршруту (на автобусе 772к или 855). Дома он из полученной информации создает тексты, например, «про двадцать абсолютно одинаковых филиалов» (Данилов, 2022, т. 1, с. 196), иногда играет в футбол на сайте, посещает литературный клуб, а в конце каждого дня занимает горизонтальное положение и засыпает. В один из таких дней нарратор замечает: «Всё как всегда, не произошло ничего особенного, никто не напился, не было драк и конфликтов, поспали, выпили» (Данилов, 2022, т. 1, с. 147).

Однако серийность проявляется не только в содержании, оформлении каждого дня в дневнике само по себе говорит о потоке одинаковых дней (даже с учетом наличия некоторых отличительных деталей). Приведем два примера:

31 января

Позднее пробуждение.

Сорок лет.

Горизонтальное положение, сон (Данилов, 2022, т. 1, с. 38).

13 февраля

Очень позднее бодрое пробуждение.

Расшифровка интервью, продолжающаяся до раннего утра.
Горизонтальное положение, сон (Данилов, 2022, т. 1, с. 54).

Каждый день композиционно одинаковый. Он начинается словом «пробуждение» и заканчивается фразой «Горизонтальное положение, сон». Таким образом, интрига представляет собой серии, которые не имеют разрешения. Читатель находится в постоянном ожидании события, однако его ожидания не оправдываются.

В финале романа можно заметить, что это начинает тяготить не только читателя, но и самого нарратора, которому скучно описывать похожие друг на друга дни: «Дома. Написание этого текста... Как хорошо, что это наконец закончилось. Как хорошо. Не нужно теперь мучительно вспоминать пустые, ничего не значащие подробности прошедших дней» (Данилов, 2022, т. 1, с. 286).

Отсутствие события на уровне изображенного мира вынуждает читателя концентрировать внимание на нарративном плане произведения, на поиске и создании нарратором параллельных событийных рядов, расслаивающих текст и расщепляющих финал произведения. В наибольшей степени это наблюдается в эпизоде чтения. Нарратор, пересказывая читаемый текст, указывает на слияние чужого произведения и собственного дневника, создающее параллельные событийные ряды:

Чтение книги С. Самсонова «Аномалия Камлаева». Отец главного героя, директор одного из московских автомобильных заводов, заболевает раком и умирает. Главный герой продолжает писать нечеловеческую музыку...

<...>

Очень интересная книга. Хотя конец несколько скомкан из-за преобладания темы деторождения (Данилов, 2022, т. 1, с. 142).

В своем пересказе нарратор акцентирует внимание на финале претекста («выход из своих авангардистско-постмодернистских тупиков» (Данилов, 2022, т. 1, с. 142)), который в романе «Горизонтальное положение» оказывается «перепи-санным» на противоположный: сам нарратор не находит выхода из пустоты постмодернизма. Присутствие такого «текста-дубликата» выявляет аналитический взгляд нарратора на окружающий мир и литературную традицию. Перечисляя произведения, он ищет настоящее событие, и каждое из них разочаровывает его отсутствием новизны.

Последний из представленных текстов (роман С. Самсонова «Аномалия Камлаева» (Самсонов, 2008)) выявляет рецептивную основу произведения «Горизонтальное положение», в котором нарратором создается разветвление интриги, выбор между двумя сосуществующими возможными финалами. Один из них находится в пересказе текста С. Самсонова, другой – в финале романа «Горизонтальное положение». В итоге завершение текста «Аномалия Камлаева» поглощается романом «Горизонтальное положение». Читатель и нарратор остаются с однообразной жизнью наедине. Нарратор не утешает читателя, лишь отмечает, что можно «писать, но не об этих idiotских днях» (Данилов, 2022, т. 1, с. 142), а «писать о чем-нибудь другом. О чем-нибудь, например, Интересном или, допустим, Важном» (Данилов, 2022, т. 1, с. 142).

Но о «Важном» нарратор не имеет возможности писать, потому что истинных событий не существует в его жизни. Это является главной проблемой романа: жизнь скучна, и если можно от нее спрятаться, то либо в столь же пустых и однообразных праздных днях, либо в «горизонтальном положении и сне» (пустоте). В кругозоре нарратора иного разрешения нет, поскольку он стремится спрятаться не от экзистенциального переживания, а от обыденности, вызывающей у него только усталость.

Таким образом, можно заметить, как параллельные событийные ряды расслаивают текст и выявляют присутствие двух противоположных вариантов финала, один из которых выбирается нарратором в качестве основного, а другой остается нереализованной нарратором, но явственно осознаваемой читателем возможностью.

Подобной является и структура нарративной интриги романа «Есть вещи поважнее футбола», однако в данном случае рецептивное расслаивание текста создает возможность сосуществования (рецептивной параллельности) на разных уровнях двух реальностей зеркальных текстов (мира романа «Есть вещи поважнее футбола» и реальности его претекста «Болельщик») и четырех событийных рядов-дубликатов, созданных с опорой на претекст, в рамках одного эстетического объекта.

Нарратор романа рассказывает о своем болении за две футбольные команды, что изначально создает два событийных ряда. Один повествует о «Динамо», а другой, который обозначен фразой «сюжет № 2», – о команде «Олимп-СКОПА». Обе команды сравниваются, и нарратор приходит к выводу, что они постепенно становятся похожими, когда «Олимп-СКОПА» начинает играть так же плохо, как и «Динамо»: «Из-за того, что Олимп-СКОПА в конце сезона стал (стала?) играть значительно хуже, чем в начале и в середине, его (ее?) домашние матчи теперь смотреть значительно интереснее... Какие-то прямо динамовские муки» (Данилов, 2022, т. 3, с. 191). И если в начале романа нарратор ждет победы от «Олимпа-СКОПЫ», то ближе к концу текста он думает о проигрыше.

Третий событийный ряд остается возможной рецептивной параллелью и основной событийного ряда (боления за команду «Динамо») романа «Есть вещи поважнее футбола». Весь роман создается с опорой на произведение С. Кинга и С. О'Нэна «Болельщик» («Faithful: two diehard Boston Red Sox fans chronicle the historic 2004 season» (King, O'Nan, 2005)). Нарратор указывает на влияние этого текста в самом начале романа: «Помощь пришла с неожиданной стороны – от известного американского писателя Стивена Кинга. В соавторстве с другим известным американским писателем, Стюартом О'Нэном, он написал книгу “Болельщик”» (Данилов, 2022, т. 3, с. 15).

Д. Данилов делает свое произведение практически дубликатом романа С. Кинга и С. О'Нэна, однако меняет как детали (страну, имена героев, название команды-неудачницы, вид спорта), так и саму интригу.

В произведении «Болельщик» нарратор ожидает от бейсбольной команды «Сокс» победы в Мировых сериях, хотя и знает о ее многолетнем периоде неудач («проклятье Бомбино»), поэтому и сообщение о ее очередной неудаче в своем дневнике болельщика он сопровождает словами «screwed again» («меня снова обманули»): «That was when the unpleasant dreamlike feeling burst, and I woke up to real life, smelling not the coffee but the peanuts and Cracker Jacks: Ah yes, screwed

again. Hello, world, I'm a Red Sox fan. For better or worse, I'm a Red Sox fan, and I've just been screwed again» (King, O'Nan, 2005, p. 3). Но в конце романа команда оправдывает его ожидания и становится чемпионом, на что влияет, по мнению нарратора, написанная им книга.

В романе «Есть вещи поважнее футбола» нарратор создает зеркальную ситуацию. Он отмечает, что такой удачи ему ждать не стоит, так как роман его на игру не сможет повлиять: «Конечно, следует оставить надежды на то, что получится так же, как у американских везунчиков – описать сезон и самим фактом описания сделать сезон чемпионским» (Данилов, 2022, т. 3, с. 16).

Таким образом, для нарратора сама игра не представляет интриги, так как, по его мнению, «Динамо» проиграет в любом случае, однако есть тревожное ожидание и робкое «хотя»:

Нет такой предсезонной интриги – станет Динамо чемпионом или нет. Это у Зенита есть такая интрига, у ЦСКА. У Динамо главная интрига каждый год – в какой именно момент станет ясно, что очередной сезон провален... Еще есть интрига – когда произойдет вылет из Лиги Европы, – на отборочных этапах или на групповом.

Или вот еще интрига: когда снимут главного тренера (в данном случае Станислава Черчесова) – посреди сезона или дадут отработать целый сезон (последнее случается с динамовскими тренерами редко). И если посреди сезона – то уже осенью или все же весной.

Или, например, такая интрига – кто из купленных летом игроков окажется полностью бесполезен, а кто “ну так, ничего”.

Да, интриги у Динамо именно такие. Как правило.

Так что надеяться на чудесное преобразование не надо. Ничего такого не будет.

Хотя... (Данилов, 2022, т. 3, с. 16).

И в итоге его мнение о команде подтверждается: «Разве что можно повторить, что фокус Стивена Кинга не удался – чемпионами стать предсказуемо не получится... Динамо опять не стало чемпионом» (Данилов, 2022, т. 3, с. 328).

В связи с этим его увлекает само движение к этому проигрышу и сопутствующая болению смена переживаний: «На самом деле, все эти ожидания высоких мест, титулов и великих успехов – не так важны. Просто показалось интересным ходить весь год на футбол, отследить весь сезон целиком, внимательно, матч за матчем... Как-то прямо руки зачесались, что ли. Хорошо, интересно и азартно стало от этой мысли» (Данилов, 2022, т. 3, с. 17).

И если нарратор романа «Болельщик» – «бейсбольный наркоман», как он себя называет, чье освобождение от бейсбола зависит от качества игры «Сокс», то нарратор Д. Данилова сам выбирает состояние (включенность или ее отсутствие): «Есть некоторая эмоциональная дистанция / Можно смотреть на все это / С одной стороны, вовлекаясь / С другой стороны – не вовлекаясь» (Данилов, 2022, т. 3, с. 70).

Таким образом, можно сказать, что роман «Есть вещи поважнее футбола» – рецептивный текст, структура которого идентична структуре романа «Болельщик» (дневник болельщика, описывающего игру команды, которая долго проигрывала).

При этом и читатель романа «Есть вещи поважнее футбола» не находится в ожидании завершения сезона, потому что знает, что «Динамо» в любом случае проиграет. И это отсутствие ожидания продиктовано также и оправдавшимся ожиданием читателя романа «Болельщик», который изначально надеется на победу и видит ее в конце. Иными словами, зная претекст, читатель знает установку романа «Есть вещи поважнее футбола», в связи с чем интрига становится нулевой. Происхождение этой нулевой интриги (прямая и явная ее зависимость от претекста) ставит вопрос об уникальности переживания. Роман «Есть вещи поважнее футбола», с одной стороны, выявляет уникальное переживание нарратора за футбольную команду «Динамо», с другой – показывает, что тревожность, ожидание и уверенность субъекта в одном исходе, свойственные не только ему, но и болельщику романа С. Кинга, отнюдь не уникальны. Весь текст, который объединяет «я» и «другого» и дублирует событийный ряд, и субъект, проживающий индивидуальное, но не уникальное событие, обнаруживают относительность уникальности как таковой.

В связи с этим можно сказать, что важным является эмоциональное (внутреннее) проживание боления и его изменение, а именно: тревожное проживание снова и снова «тоскливой безнадежности» (Данилов, 2022, т. 3, с. 98), сменяющейся «дикой, грубой, даже какой-то тупой радостью» (Данилов, 2022, т. 3, с. 218).

Четвертый параллельный событийный ряд романа «Есть вещи поважнее футбола» является гипотетическим. Нарратором в главе «Проект португальского рассказа “Мы болеем за Эшторил”» предполагаемому читателю-автору предлагается создать четвертый событийный ряд (произведение-дубликат), который уже написан самим нарратором:

Рассказ должен быть написан современным португальским писателем.
<...> Сюжет рассказа заключается в описании того, как герои постепенно просыпаются и собираются на футбол – матч Лиги Европы Эшторил – Панафинакос (Данилов, 2022, т. 3, с. 174, 175).

Можно сказать, что рассказ «Мы болеем за Эшторил» – провокация. Предполагаемый создатель этого текста, занимая позицию творца, лишается большей части своей индивидуальности и становится заложником вероятностной картины мира, выстроенной Д. Даниловым в романе.

Таким образом, каждый из рассмотренных событийных рядов является зеркальной параллелью и при этом почти копией уже созданного событийного ряда. И данные линии не имеют границ. Они влияют глобально и на предполагаемую Реальность, находящуюся как бы за пределами романа, делают и ее дубликатом претекста:

Ох, книжка моя, книжка
Какая-то ты странная
Как-то ты странно влияешь на реальность
<...>
И вот – переименовал книгу
Дал новое название
«Есть вещи поважнее футбола»
Переименовал файл

И Виктор вышел
В окно
<...>
Так называемая Реальность
Вдруг начинает показывать
Что да,
Есть вещи поважнее футбола... (Данилов, 2022, т. 3, с. 309).

Итак, рецептивная серийная интрига романа «Есть вещи поважнее футбола», влияющая на возникновение «зеркальных дубликатов» текста и жизни, уничтожает границу между реальностью и литературой, выявляет наличие процесса постепенного разрушения вероятностной картины мира, так как на разных уровнях текста реализуется сразу два противоположных финала (победа и поражение команды). Один из финалов существует на рецептивном уровне, а другой – на уровне изображенного мира романа «Есть вещи поважнее футбола». Вероятность обретает реальность в раскрытом претексте, что уничтожает ее эфемерность. Но на данный момент этот процесс еще не завершен. А также интрига ставит вопрос об исключительности переживания.

Перейдем к рассмотрению романа «Саша, привет!». К настоящему времени в определенной степени изучены лингвистический (О. В. Арязмова [2013], Ю. М. Папьян [2022], О. В. Ройко [2023]) и интертекстуальный (В. М. Ширяев [2022]) аспекты данного произведения.

Для нашей работы актуальна концепция О. В. Ройко, а также важен сделанный ею вывод о значении названий в романе, раскрывающих пограничность положения героя: «Сложная структура личностного топонимического пространства романа раскрывает особенности мировосприятия героя, пребывающего на границе между реальностью и абсурдом, на стыке двух антиномий, в финале трансформирующихся в виртуальную реальность» [Ройко, 2023, с. 486].

Указанная двойственность присуща всем структурным элементам романа (в том числе и нарративной интриге).

В романе 2021 г. «Саша, привет!» рецептивные повторы и интермедиаальный контекст влияют на изменение свойств «точки бифуркации» [Тюпа, 2010], что и становится основой событийности серийной нарративной интриги данного произведения. В нем серийная интрига создается за счет наличия рецептивной основы текста, а также присутствия внутреннего дублирования фрагментов и целых эпизодов.

Именно креативная рецепция создает пограничность положения героя и параллельность реальностей романов «Саша, привет!» Д. Данилова, «Процесс» Ф. Кафки и «Приглашение на казнь» В. В. Набокова в пределах рассматриваемого произведения Д. Данилова. А внутренняя повторяемость («усталость от повествования») влияет на ожидания читателя, снижает уровень его интереса к происходящему в повествуемом мире и переключает внимание на рецепцию, авторское перепрочтение указанных выше текстов Ф. Кафки и В. В. Набокова, раскрытие их влияния на структуру романа Д. Данилова.

Прежде всего следует рассмотреть создание фрагментов-дубликатов, последовательно уничтожающих читательский интерес.

Уже в начале романа «Саша, привет!» присутствует указание на итог. Приговор Сереже выносится в первой главе, поэтому читатель ожидает увидеть только

то, как герой проживет период до казни, так как финал для него предсказуем. И он наблюдает за тем, как герой «проживает» одинаковые дни в Комбинате и пытается смириться со своей участью, проходя каждый день под дулом пулемета.

Каждый повторенный фрагмент его жизни может отличаться от предыдущего только деталями (маркерами смены ситуации).

Например, эпизоды 6 и 9 начинаются со слов: «Мы видим, как Сережа идет по пешеходной дорожке к дому, идет по тротуару вдоль дома, подходит к подъезду. Дом обычный, современный, многоэтажный...» (Данилов, 2022, с. 19).

Далее добавляются маркеры, показывающие различие между приходом в дом матери и в дом жены.

В 6-м эпизоде Сережа «прикладывает к круглой штучке на железной двери круглую штучку на связке своих ключей... Открывает дверь, входит в подъезд, здравствуйте, Наталья Семеновна, Наталья Семеновна величественно кивает» (Данилов, 2022, с. 19).

В 9-м эпизоде он «набирает номер квартиры... Входит в подъезд, кивает консьержке, она не реагирует» (Данилов, 2022, с. 27).

Ближе к концу произведения подобные внутритекстовые повторы фрагментов превращаются в дублирование. Одинаковыми являются, например, эпизоды 68 и 69.

Эпизод 68

Сережа выходит на прогулку в сопровождении одного из охранников. Сережа теперь съедает завтрак машинально, без особого аппетита, но и без отвращения. Сережа спокойно вступает в Красную зону, оборачивается, криво улыбается, говорит: «Саша, привет!» и идет дальше, на прогулку (Данилов, 2022, с. 233).

Эпизод 69

Сережа выходит на прогулку в сопровождении одного из охранников. Сережа теперь съедает завтрак машинально, без особого аппетита, но и без отвращения. Сережа спокойно вступает в Красную зону, оборачивается, криво улыбается, говорит: «Саша, привет!» и идет дальше, на прогулку (Данилов, 2022, с. 234).

Если изменения в них и происходят, то они совершенно незначительны, но значимы, как, например, в эпизодах 71 и 75.

В 71-м эпизоде «Сережа спокойно вступает в Красную зону, оборачивается, смотрит на Сашу, ничего не говорит, выражение его лица не меняется» (Данилов, 2022, с. 235).

А в 75-м эпизоде «Сережа спокойно вступает в Красную зону, не оборачивается, просто проходит по Красной зоне, выражение его лица не меняется» (Данилов, 2022, с. 240).

Данные элементы выявляют одинаковое содержание фрагментов и закрепляют одно эмоциональное состояние (бесчувствие), поэтому читатель, нарратор и герой к концу текста испытывают усталость от «событий», происходящих в «непрерывающемся настоящем» [Эко, 2005, с. 192], и ожидания.

Однако усталость от отсутствия полноценного привычного, но нового события и попытка найти его – важные содержательные компоненты романа «Саша, при-

вет!» и всей прозы Д. Данилова, сконцентрированной на его поиске. Они меняют представление о событии. В романах Д. Данилова (2010–2015 гг.) оно понимается как дубликат уже существующего происшествия и как явление, ожидавшееся и всё же не произошедшее. В тексте же «Саша, привет!» оно становится происшествием, случившимся и не случившимся одновременно.

И рецептивная основа произведения «Саша, привет!» выявляет указанную двойственность. Сначала она глобализирует серийность, уничтожающую референтное событие, которое «постепенно исчерпывает себя повторением одного жеста» [Жаккар, 2011, с. 157] или ситуации, и создает дубликаты в рецептивном и интермедиальном полях романа, после чего объединяет событийные ряды, что и приводит к противоречивости финала.

Рецептивность серийной интриги создается в начале романа, когда Сереже выносят приговор, который помогает включить в текст литературную традицию. Сходство его с приговорами, вынесенными Цинциннату Ц. и Йозефу К., можно заметить, если сравнить фрагменты трех романов («Приглашение на казнь» В. В. Набокова, «Процесс» Ф. Кафки и «Саша, привет!» Д. Данилова).

1. «Сообразно с законом, Цинциннату Ц. объявили смертный приговор шепотом. Все встали, обмениваясь улыбками» (Набоков, 2002, с. 44).

2. «Кто-то, по-видимому, оклеветал Йозефа К., потому что, не сделав ничего дурного, он попал под арест» (Кафка, 2020, с. 231).

3. «...Московский окружной уголовный суд... именем Российской Республики... приговорил Фролова Сергея Петровича... к высшей мере наказания – смертной казни» (Данилов, 2022, с. 12).

Данное повторение снижает интерес читателя к происходящему в повествуемом мире романа «Саша, привет!» и создает нулевую интригу, обращая внимание на основную точку интерпретации с последующей ее трансформацией в исследуемом тексте (финал указанного романа «Приглашение на казнь»). Роман Ф. Кафки далее рассматриваться не будет в связи с незавершенностью данного произведения.

Сама казнь, описанная в тексте В. В. Набокова как «представление», которое «назначено на послезавтра... на Интересной площади» (Набоков, 2002, с. 156), является театральной постановкой и зависит от воли самого Цинцинната. Он одной своей мыслью смог нарушить ход и итог этой казни. Герой только «подумал: зачем я тут? отчего так лежу? – и, задав себе этот простой вопрос, он отвечал тем, что привстал и осмотрелся» (Набоков, 2002, с. 186). Читатель не может сказать, реализовалась ли казнь на самом деле, так как видит не мертвеца, а только изменения в окружающем пространстве (разрушение площади и исчезновение зрителей). Но сама мысль Цинцинната, приводящая к этим изменениям, делает его организатором представления.

И несомненным остается то, что после этого Цинциннат остается единственным реальным (живым) субъектом в театральном пространстве, построенном из «картонных кирпичей» (Набоков, 2002, с. 187), которое постепенно разрушается после того, как герой встает и уходит.

В данной точке бифуркации герой мог как спастись, так и трагически погибнуть. Автор описывает первое. Воскрешение прозревшего (истинного) «я», узнавшего о своем бессмертии, в подчеркнута театральном (абсурдном) мире не ставится В. В. Набоковым под сомнение, поэтому сама казнь обманывает чита-

тельские ожидания. В конце романа читатель узнает о смерти фальшивого мира и спасении истинного индивидуального сознания. Интерес для него представляет само изменение предлагаемого феномена (в данном случае – казни).

В романе же «Саша, привет!» в точке бифуркации (выход Сережи за пределы Комбината) реализуется сразу два противоположных варианта завершения интриги (наступление смерти и одновременно ее отсутствие).

О реализации двух вариантов можно говорить в связи с тем, что читатель-зритель сначала не слышит звука выстрела в момент выхода Сережи и не видит его смерти, но замечает нарушение правил Комбината (живой не может из него выйти). Герой идет «по полосе, которая ведет к Красной зоне» (Данилов, 2022, с. 246), после чего описывается, как Сережа и Антон идут «просто по улицам Москвы» (Данилов, 2022, с. 247) и уходят «в никуда под титры» (Данилов, 2022, с. 249). И уже после завершения «литературного кино», когда Сережа ушел, «Саша начинает стрелять по пустой Красной зоне, кроша кафельный пол в пыль» (Данилов, 2022, с. 249). И этот последний выстрел создает «эффект бумажного экрана». Он выполняет ту же функцию, что и бумажный экран, поставленный между жертвой и пулеметом, «чтобы жертва не видела, как в ее сторону вылетают пули» (Данилов, 2022, с. 53), в фильме «Бангкок Хилтон», который смотрят герои романа «Саша, привет!». Он «скрывает» действительность, создает у читателя иллюзию последовательности описания происходящего, хотя на самом деле нельзя сказать, что последний выстрел Саши спровоцировал именно Сережа, но также нельзя говорить и о том, что выстрела не было в момент выхода героя за пределы Комбината. Можно лишь утверждать, что Сережа остается в неопределенном положении (для читателя он умер и не умер одновременно).

С одной стороны, читатель видит, что герои не выходят из Комбината, но беспрепятственно попадают на улицу, «идут, разговаривают, смеются» (Данилов, 2022, с. 247), что является непривычным, так как они были до этого героями, подчиняющимися правилам этого места (а смех – странная реакция на смерть в этом месте). Однако это не указывает напрямую на переход Антона и Сережи в иной мир.

С другой стороны, появляются после выхода на улицу соответствующие маркеры конца: «небесная улыбка» (Данилов, 2022, с. 248) Тамира Хандаева, крестное знамение отца Павла, а после и слышимая стрельба Саши.

Соответственно, читатель находится в замешательстве, но не из-за самой казни, а из-за особенностей фиктивного мира, который создает возможность наступления и отсутствия смерти, а также присутствующих несоответствий, созданных абсурдностью повествуемого мира, и столкновения мировоззренческих позиций героя и автора. Данное обстоятельство открывает новую мировоззренческую концепцию, лежащую в основе данного романа, которую точно обозначила М. Галина в аннотации к этому произведению: «Каждый раз мы выбираем одно из двух. И только Дмитрий Данилов выбирает всё сразу»¹. В связи с этим читатель не может выбрать только один из возможных вариантов завершения романа, так как они являются одним реализованным референтно-коммуникативным целым.

¹ Галина М. Аннотация // Данилов Д. Саша, привет! М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2022. С. 250.

И он вынужден смотреть на повествуемый мир, придерживаясь как позиции автора, так и позиции героя.

С позиции автора читатель видит фиктивную реальность, где фиктивностью уравниваются жизнь и смерть. Но принимая в то же время и позицию героя, он обнаруживает реальность, где существует настоящая смерть, которую субъект стремится принять. В связи с этим смерть и жизнь мыслятся как относительные понятия, которые могут существовать параллельно, из-за чего интрига становится не вероятностной, а относительной, так как два возможных исхода реализуются одновременно в пределах повествуемого и повествующего миров романа «Саша, привет!».

Таким образом, совмещение мировоззренческих позиций, размывающее границы повествуемого и повествующего миров, открывает читателю возможность увидеть два финала одновременно, что невозможно в пределах вероятностной картины мира и вне абсурдистского дискурса. А рецептивная основа произведения и интермедиаальный контекст (просмотр героями фильма «Бангкок Хилтон») выявляют созданную зеркальную линию (возможную и в то же время уже реализованную) интриги, приводящую к точке совмещения жизни и смерти и получающую, выражаясь словами О. М. Фрейденберг, «два плана причинности» [Фрейденберг, 1973, с. 509].

Список литературы

Арязмова О. В. Отражение обыденного языкового сознания в композиционно-речевых структурах (на материале художественной прозы Дмитрия Данилова) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 4 (37). С. 69–75.

Веселовский А. Н. Поэтика сюжетов // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высш. шк., 1989. С. 300–306.

Жаккар Ж.-Ф. Философия и эстетика абсурда (хармсиада) // Жаккар Ж.-Ф. Литература как таковая. От Набокова к Пушкину. Избранные работы о русской словесности. М.: НЛЮ, 2011. С. 157–169.

Ищук-Фадеева Н. И. Интрига // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Под ред. Н. Д. Тмарченко. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 83.

Папая Ю. М. Диалог и монолог в романе Д. Данилова «Саша, привет!» // Язык как материал словесности: XXV Научные чтения (22 октября 2022 г., Москва). Казань: Бук, 2022. С. 136–150.

Проп В. Я. Морфология волшебной сказки. Л.: Academia, 1928. 152 с.

Рикёр П. Время и рассказ: В 2 т. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. Т. 1. 303 с.

Ройко О. В. Формула личностного топонимического пространства в романе Д. Данилова «Саша, привет!» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. № 2. С. 482–487.

Тезаурус исторической нарратологии (на материале русской литературы): экспериментальный словарь / Под ред. В. И. Тюпы. М.: Эдитус, 2022. 295 с.

Томашевский В. И. Фабула и сюжет // Томашевский В. И. Теория литературы. Поэтика. Л.: Гос. изд-во, 1925. С. 136–147.

Тюпа В. И. Статус событийности и дискурсные формации // Событие и событийность: Сб. ст. / Под ред. В. Марковича, В. Шмида. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2010. С. 24–37.

Фрейдберг О. М. Происхождение литературной интриги // Труды по знаковым системам VI / Под ред. Ю. М. Лотмана. Тарту: Изд-во ТГУ, 1973. С. 497–512.

Ширяев В. М. Об опыте истолкования «Саша, привет!» Дмитрия Данилова // Вопросы литературы. 2022. № 52. С. 3–6.

Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Пер. с англ. и итал. С. Серебряного. М.: РГГУ, 2005. 503 с.

Список источников

Данилов Д. Горизонтальное положение // Данилов Д. «Горизонтальное положение» и другая крупная проза: В 3 т. М.: Городец, 2022. Т. 1. С. 5–286.

Данилов Д. Есть вещи поважнее футбола // Данилов Д. «Горизонтальное положение» и другая крупная проза: В 3 т. М.: Городец, 2022. Т. 3. С. 5–332.

Данилов Д. Саша, привет! М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2022. 249 с.

Кафка Ф. Процесс // Кафка Ф. Замок. Превращение. Процесс: полное собрание сочинений / Пер. с нем. С. Апта, Е. Кацевой, Р. Райт-Ковалевой. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. 1088 с.

Набоков В. В. Приглашение на казнь // Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода: В 5 т. / Сост. Н. Артеменко-Толстой. СПб.: Симпозиум, 2002. Т. 4. С. 44–188.

Самсонов С. Аномалия Камлаева. М.: Эксмо, 2008. 544 с.

King S., O’Nan S. Faithful: two diehard Boston Red Sox fans chronicle the historic 2004 season. New York: Scribner, 2005. 421 p.

References

Arzyamova O. V. Otrazhenie obydenного yazykovogo soznaniya v kompozitsionno-rechevykh strukturakh (na materiale khudozhestvennoi prozy Dmitriya Danilova) [Reflection of everyday linguistic consciousness in compositional and speech structures (based on the material of Dmitry Danilov’s fiction)]. *Questions of Cognitive Linguistics*, 2013, no. 4 (37), pp. 69–75. (in Russ.)

Eco U. Rol’ chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta [The Role of the Reader. Explorations in the Semiotics of Texts]. Trans. from Eng. and Ital. by S. Serebryany. Moscow, RSUH Press, 2005, 503 p. (in Russ.)

Freidenberg O. M. Proiskhozhdenie literaturnoi intrigi [The Origin of literary intrigue]. In: Lotman Yu. M. (ed.). *Trudy po znakovym sistemam VI* [Works on sign systems VI]. Tartu, TSU Press, 1973, pp. 497–512. (in Russ.)

Ishchuk-Fadeeva N. I. Intriga [The intrigue]. In: Tamarchenko N. D. (ed.). *Poetika: slovar’ aktual’nykh terminov i ponyatii* [Poetics: a dictionary of current terms and concepts]. Moscow, Izdatel’stvo Kulaginoy; Intrada, 2008, p. 83. (in Russ.)

Jaccard J.-P. La philosophie et l’esthétique de l’absurde. In: Jaccard J.-P. *Literatura kak takovaya. Ot Nabokova k Pushkinu. Izbrannye raboty o russkoi slovesnosti* [Literature as such. From Nabokov to Pushkin. Selected works on Russian literature]. Moscow, 2008, p. 83. (in Russ.)

ture as such. From Nabokov to Pushkin. Selected works on Russian literature]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2011, pp. 157–169. (in Russ.)

Papayan Yu. M. Dialog i monolog v romane D. Danilova “Sasha, privet!” [Dialogue and monologue in D. Danilov’s novel “Sasha, hello!”]. In: Language as a material of literature: XXV scientific readings (October 22, 2022, Moscow). Kazan, Buk, 2022, pp. 136–150. (in Russ.)

Propp V. Ya. Morfologiya volshebnoi skazki [Morphology of a fairy tale]. Leningrad, 1928, 152 p. (in Russ.)

Ricoeur P. Vremya i rasskaz [Temps et Récit]. In 2 vols. Moscow, St. Petersburg, 1998, vol. 1, 303 c. (in Russ.)

Roiko O. V. Formula lichnostnogo toponimicheskogo prostranstva v romane D. Danilova “Sasha, privet!” [The formula of personal toponymic space in D. Danilov’s novel “Sasha, hello!”]. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 2023, no. 2, pp. 482–487. (in Russ.)

Shiryaev V. M. Ob opyte istolkovaniya “Sasha, privet!” Dmitriya Danilova [About the experience of interpreting Dmitry Danilov’s “Sasha, hello!”]. *Literature Questions*, 2022, no. 52, pp. 3–6. (in Russ.)

Tomashevsky V. I. Fabula i syuzhet. In: Tomashevsky V. I. Teoriya literatury. Poetika [Theory of literature. Poetics]. Leningrad, 1925, pp. 136–147. (in Russ.)

Tyupa V. I. Status sobytiinosti i diskursnye formatsii [Event status and discourse formations]. In: Markovich V., Schmid W. (eds.). Sobytie i sobytijnost’ [Event and eventfulness]. Collection of articles. Moscow, Kulagina Publ., Intrada, 2010, pp. 24–37. (in Russ.)

Tyupa V. I. (ed.). Tezaurus istoricheskoi narratologii (na materiale russkoi literatury): eksperimental’nyi slovar’ [Thesaurus of Historical Narratology (based on Russian literature): experimental dictionary]. Moscow, 2022, 295 p. (in Russ.)

Veselovsky A. N. Istoricheskaya poetika [Historical poetics]. Moscow, 1989, 405 p. (in Russ.)

List of Sources

Danilov D. Est’ veshchi povazhnee futbola [There are more important things than football]. In: Danilov D. “Gorizontal’noe polozhenie” i drugaya krupnaya proza [“Horizontal Position” and other major prose]. In 3 vols. Moscow, Gorodets, 2022, vol. 3, pp. 5–332. (in Russ.)

Danilov D. Gorizontal’noe polozhenie [Horizontal position]. In: Danilov D. “Gorizontal’noe polozhenie” i drugaya krupnaya proza [“Horizontal Position” and other major prose]. In 3 vols. Moscow, Gorodets, 2022, vol. 1, pp. 5–286. (in Russ.)

Danilov D. Sasha, privet! [Sasha, hello!]. Moscow, Izdatel’stvo ACT: Redaktsiya Eleny Shubinoy, 2022, 249 p. (in Russ.)

Kafka F. Protsess [Der Process]. In: Kafka F. Zamok. Prevrashchenie. Protsess: polnoe sobranie sochinenii [Castle. Transformation. Process: Complete Works]. Trans. from Germ. by S. Apta, Katseva E., R. Rait-Kovaleva. Moscow, Inostranka, Azbuka-Attikus, 2020, 1088 p. (in Russ.)

King S., O’Nan S. Faithful: two diehard Boston Red Sox fans chronicle the historic 2004 season. New York: Scribner, 2005, 421 p.

Проценко Ю. С., Агеева Н. А. Дубликация нарративной интриги

Nabokov V. V. Priglasenie na kazn' [Invitation to execution]. In: Nabokov V. V. Sobranie sochinenii russkogo perioda [Collected works. The Russian period]. Ed. by N. Artemenko-Tolstaya. In 5 vols. St. Petersburg, Simpozium, 2002, vol. 4, pp. 44–188. (in Russ.)

Информация об авторах

Юлия Сергеевна Проценко, магистр

WoS Researcher ID OQK-8382-2025

SPIN 6126-2274

Наталья Анатольевна Агеева, кандидат филологических наук

WoS Researcher ID OTI-0438-2025

SPIN 2463-5821

Information about the Authors

Yulia S. Protsenko, Master's Degree

WoS Researcher ID OQK-8382-2025

SPIN 6126-2274

Natalia A. Ageeva, Candidate of Sciences (Philology)

WoS Researcher ID OTI-0438-2025

SPIN 2463-5821

Статья поступила в редакцию 26.11.2025;

одобрена после рецензирования 12.01.2026; принята к публикации 12.01.2026

The article was submitted on 26.11.2025;

approved after reviewing on 12.01.2026; accepted for publication on 12.01.2026

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография. 2026. № 2

Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2026, no. 2